

АЛЕКСАНДР ЭДУАРДОВИЧ АЛАКШИН,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

Конфликтные ситуации отношений пасторов евангелических приходов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГА XVIII СТОЛЕТИЯ С ПАТРОНАМИ ОБЩИН, ЧЛЕНАМИ КОНВЕНТОВ И ПРИХОЖАНАМИ

Аннотация. Со времён Реформации сложилась чёткая структура евангелических приходов – каждая штатная единица выполняет на его площадке круг собственных конфессиональных обязанностей, стараясь внести вклад в общее дело развития общины. Случались, однако, и конфликты между прихожанами. Пасторы, являвшиеся ключевыми фигурами в структуре приходов, порой также становились участниками конфликтов. В статье рассматриваются формы взаимоотношений прихожан в лютеранских и реформатских общинах Петербурга в XVIII веке. Особое внимание уделяется ситуациям возникновения ссор пасторов общин с опекунами общин, членами церковных советов и рядовыми прихожанами; ссор между прихожанами разных национальностей, где пасторы в конфликтной ситуации выражали мнение конкретной части общины. На протяжении столетия конфликты происходили в немецкой лютеранской общине Св. Петра, немецкой лютеранской общине Св. Анны, шведско-финской лютеранской общине до периода её раскола, голландской, французско-немецкой и англиканской реформатских общинах. Юстиц-Коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел – как орган власти в Российской империи – неоднократно пыталась устранить причины раздоров в среде иноверцев. Сюжетные линии всех приведённых в статье примеров основаны на материалах исторических источников.

Ключевые слова: евангелические общины, пастор, приход, XVIII век, Санкт-Петербург.

Любая евангелическая община представляет собой социальную организацию с чётко определённой структурой и правилами поведения прихожан. Принципы устройства и управления общиной сформировались под влиянием идей М. Лютера, Ф. Меланхтона, Ж. Кальвина и других подвижников движения Реформации. Опекуном общины является т. н. патрон – авторитетнейшая персона из числа прихожан, способная отстаивать интересы прихода на любом уровне пространства общественных отношений. Патрон помогает развитию общины денежными средствами и ежедневной заботой о восполнении насущных нужд прихода. Высшей формой власти самоуправления в общине является общее собрание её членов – решение собрания становится нормой закона для жизни прихода и не подлежат отмене или корректировке без новых постановлений того же собрания. В перерыве между созывом собраний полномочиями исполнительной власти наделён церковный совет (конвент) общины. В состав совета избираются наиболее уважаемые члены общины, зарекомендовавшие себя щедрыми благотворителями и просто активными деятелями в жизни прихода. Члены церковного совета избираются и переизбираются в его состав на год, на два или четыре – согласно правилам устава конкретной общины. В условиях чрезвычайных обстоятельств общины (резкое уменьшение её численности, конфликтная ситуация

в приходе) выборный период может сокращаться или увеличиваться. Кандидатура приглашаемого патроном или членами совета пастора утверждается на общем собрании на срок, определённый контрактом общины и служащего – утверждённый в должности претендент должен ежедневно выполнять ряд мероприятий, предназначенных для успешного воспроизводства и развития всех форм деятельности общины. В крупных приходах существуют также должности помощника пастора (кандидата), органиста и руководителя хора – из соображений экономии, правда, на практике, кто-либо из служащих может нести на своих плечах груз ответственности за выполнение нескольких важных для общины функциональных поручений.

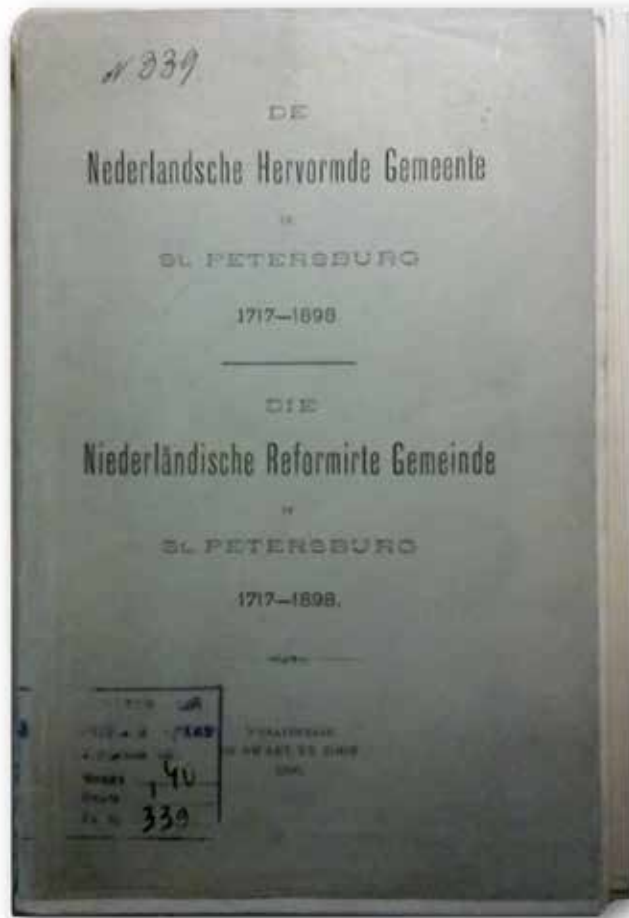
В петербургских общинах лютеран и реформатов в первом столетии истории города полностью воспроизвелись классические модели структур и видов деятельности евангелических приходов стран Западной Европы. Возникшие в течение нескольких десятилетий конфессиональные группы прибывших в Россию протестантов из стран Западной Европы прошли естественный путь развития: от стихийных собраний иноверцев – до дней официального учреждения общины и строительства ею здания для проведения служб. В Санкт-Петербурге к концу 80-х гг. существовали 12 евангелических общин: 3 немецких лютеранских – Св. Петра, Св. Анны, Св. Екатерины; 1 финская лютеран-

ская – Св. Марии; 1 шведская лютеранская – Св. Екатерины; две разнонациональные в Кадетских корпусах; голландская реформатская; формально единая немецкая и французская реформатская – на деле, немцы и французы имели собственные церкви; англиканская реформатская; немецкая «евангелических братьев».

По мере собственного роста, в каждой общине появлялись статусные нагрузки обязанностей общего собрания, патрона, членов церковного совета; и, конечно, пастора. Приступавший к выполнению профессиональных обязанностей пастор, становился ключевой фигурой в деятельности прихода – не было ни одного церковного или организационного мероприятия, где в той или иной степени служитель не был бы задействован. Залогом успешной службы пастора – кроме добротного богословского образования, опыта проведения обрядов и т. п., было и наличие в нём способности налаживания отношений со всеми прихожанами. Подобная задача не была простой. В условиях комфортной жизни евангелических общин на родине каждого из пасторов возникали ссоры на почве разных взглядов на бытовые проблемы. Бывали они и следствием конкуренции.

В целом отношения в среде лютеранских и реформатских общин города – внутри их и в контактах между собой – складывались достаточно органично. Если и зарождались распри, число их было невелико, и они носили локальный характер. Поводы к возникновению ссор могли быть разные, причинами же являлись бескомпромиссная защита должностных и корпоративных интересов, проявление кем-либо личных амбиций. Конфликтные ситуации случались, в том числе, и из-за отсутствия в общинах уставов – т. е. документов, регламентирующих главные способы отношений в конкретном приходе. Уставы обычно появлялись в период прочного развития общины. В частности, в голландской общине, прежде сотрясаемой ссорами в течение десятилетий, устав появился в 1793 г. – в 19 параграфах были расписаны права и обязанности патрона, пастора, старшин, диаконов, рядовых прихожан. Поправки в некоторых пунктах устава были произведены в 1796 и 1803 гг.¹ Уставы в других приходах были приняты раньше – в немецкой лютеранской общине Св. Петра его подробный вариант в составе из 12 параграфов появился ещё в 1748 г. На «доуставном» этапе истории любой общины нормативами жизни коллектива являлись принципы договорённостей (которые могли быть зафиксированы даже в виде текста) между патроном, членами совета, пастором и общим собранием.

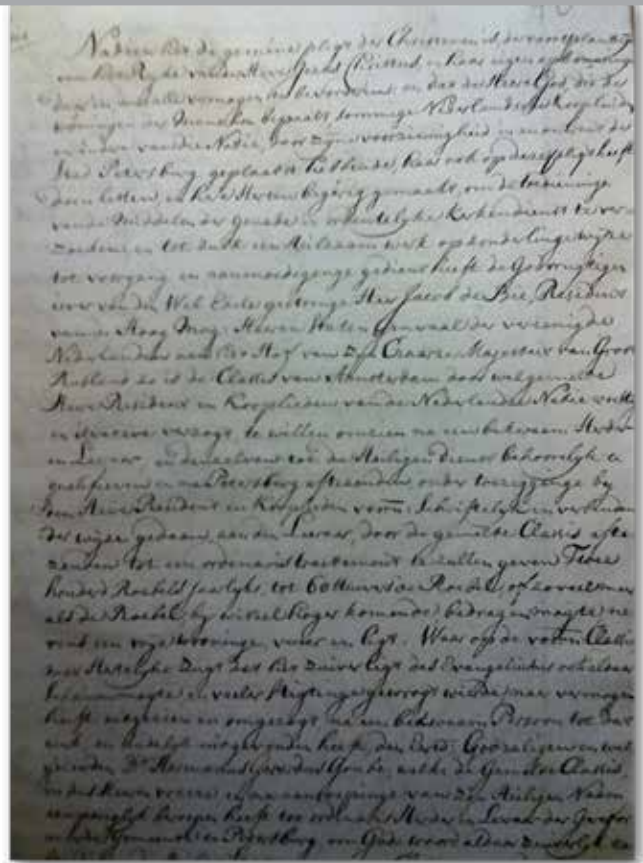
Отношения пасторов и патронов находились, как правило, в русле конструктивной работы – сама идея сотрудничества этих лиц в любом приходе являлась гарантией его стабильного развития. Патрон обладает наиболее авторитетным статусом в общине – это даёт ему рычаг влияния на решение самых разнообразных проблем жизни прихожан, – включая, кстати, и вопрос о приглашении на церковную кафедру того или иного



пастора. Пастор, таким образом, в значительной мере, зависим от мнения патрона. Конфликтные ситуации между патронами и пасторами, в принципе, возможны в любой общине – главной причиной здесь может быть субъективное неприятие одного лица другим. В условиях жизни прихода за рубежом степень риска возникновения конфликтов снижается за счёт факторов выбора лично патроном персоны кандидата на роль пастора по тем или иным личностным характеристикам, трудностей поиска новой кандидатуры в случае каких-либо споров или ссор; наличия, в конце концов, контрактов с обозначением конкретных сроков службы проповедников – последнее обстоятельство помогало более-менее эффективно регулировать все способы отношений пастора с общиной. На сотни иллюстраций согласованного сотрудничества проповедников общин с её патронами, приходится, однако, и немногие случаи их раздоров.² Наиболее ярким примером подобной ситуации в течение столетия явилась многолетняя ссора патрона голландской общины реформатов – чрезвычайного посла Генеральных штатов в Петербурге Марселлиуса де Сварта – и пастора общины Йохана Карпа. Причиной её послужила личная неприязнь друг к другу обеих персон, начавшаяся в первый же год их знакомства. Можно предположить, что глубинным мотивом конфликта было недовольство посла – в своём лице, осуществлявшем всю полноту дипломатических полномочий нидерландского

государства в России, – самостоятельностью взглядов едва прибывшего в город проповедника. Й. Карп стал высказывать М. де Сварту своё мнение по поводу организации жизни прихода, привыкшему авторитарно решать все, в том числе и церковные, вопросы. Церковный совет был на стороне контролировавшего его деятельность патрона. Спустя два года после принятия должности, пастора уже не приглашали на обсуждение важнейших тем стратегии развития прихода. Конфликт в значительной мере отозвался и на отношениях пастора с частью прихожан, поддерживавших позицию патрона, который демонстративно не принимал причастия из рук Й. Карпа, или вообще шёл на богослужение в кирки соседей.³ Случай подобных раздоров произошёл в общине Св. Петра. Вернувший себе патронат после многолетней политической ссылки Х.-Б. Миних, стал крайне критично относиться к деятельности недавно прибывшего в Петербург пастора А.Ф. Бюшинга. Загруженность ежедневными заботами А.Ф. Бюшинга была, судя по всему, чрезмерной. Всё своё время он отдавал руководству основанной им «школы изящных искусств», одновременно занимался исследованиями по географии и истории евангелических общин в России; в кирке же появлялся реже, чем того требовали должностные обязанности. Ко всему прочему, по своей рассеянности, пастор мог не соблюдать режим времени для богослужений; неубедительно, по мнению некоторых членов общины, читал проповеди и т. д. Положение усложнялось и ситуацией личного конфликта А.Ф. Бюшинга с первым пастором общины Л. Трефуртом. А.Ф. Бюшинг поговаривал о том, что он не хочет лежать в земле Петербурга, что необходимо уезжать из России.⁴ Возможно, неприязнь Б.Х. Миниха к пастору усиливалась пониманием неоспоримости факта успешной деятельности школы, обласканной комплиментами и всякого рода милостями Екатерины II. На просьбы А.Ф. Бюшинга дать ему помощника,⁵ патрон неизменно отвечал отказом и повторяющимся вопросом – будет ли служитель в полной мере выполнять свои обязанности в кирке? Несмотря на уговоры императрицы остаться и выбрать для себя любое место в Академии наук с самим им определённой суммой жалования⁶ (среди прочего, пастору была обещана и бесплатная пересылка его корреспонденции адресатам в странах Европы), уязвлённый до глубины души несправедливым к себе отношением Б.-Х. Миниха пастор уехал из России. Формальной причиной отказа российской самодержице было данное пастором слово администрации Геттингенского университета, пригласившей его на должность профессора философии.⁷ В дни приготовления А.Ф. Бюшинга к отъезду, Б.-Х. Миних игнорировал его присутствие в Петербурге, и не пожелал с ним встретиться.

Отношения пасторов с членами церковного совета в любом приходе выстраивались непросто. Необходимо понимать, что все формы связей в общине были основаны как на естественном желании наиболее активных единомыслителей построить процветающий при-



ход, так и на мотивах укрепления здесь собственных властных полномочий тех или иных прихожан. Согласованная работа, направленная на развитие общины, во многих случаях могла блокироваться конфликтами в среде исполнительной власти прихода. Будучи обеспеченными и успешными в социальной жизни людьми, члены советов верстали бюджет общины, доходная часть которого во многом была создана за счёт их пожертвований, формировали принципы стратегии её развития; имели, в конце концов, ежедневные заботы разрешений тех или иных текущих проблем церкви – таким образом, они считали, что имеют право особой степени собственного влияния на жизнь прихода. Судьба каждого пастора напрямую зависела от отношения к нему членов совета – они могли настроить общину или патрона против проповедника, и, таким образом, поставить под угрозу возможность продления его контракта на службу. Тем не менее, пастор являлся абсолютно самостоятельной фигурой в общем контексте отношений в приходе – члены совета могли и в нём искать союзника в делах решения вопросов деятельности церкви, и даже в ситуациях противостояния групп влиятельных лиц между собой. В целом обстоятельства сосуществования пасторов и членов совета в городских общинах XVIII в. были, как правило, пронизаны идеей совместного служения на благо прихода – сама жизнь диктовала необходимость проявления конфессиональной солидарности братьев по вере в любом эпизоде картины развития общины. Случались, однако, и значительные конфликты. Кроме

скандалов в голландской общине, связанных с деятельностью упомянутого Й. Карпа, где члены церковного совета, игнорировали службы и проповеди в приходе, судились в течение 12 лет с пастором, писали на него доносы в российские органы власти, можно вспомнить и конфликт же А.Ф. Бюшинга с членами совета прихода Св. Петра,⁸ недовольными вечной занятостью пастора в школе и качеством его проповедей. Члены совета и голландской, и немецкой лютеранской общин, как видно, естественным образом занимали позицию патрона церкви). Известна история одного из пасторов с неназванным именем. Возможно, описавший её в своих «Заметках» И.Х. Грот вёл речь о самом себе. Раздоры пастора с членами совета длились долгие годы из-за невыполнения, по мнению служителя, обязательств общины по вопросам денежного довольствия и предоставления ему более удобного жилья.⁹ Сюжеты этих ссор похожи один на другой сценами взаимных упреков и демонстративным нежеланием выслушивать аргументы другой стороны.

В текущей работе пасторы опирались на поддержку членов общины, активных в ежедневной конфессиональной деятельности. Активными членами общины не обязательно могли быть члены церковного совета – рядовые прихожане часто предлагали помощь в строительстве кирки и других помещений общины, покупке и перевозке необходимых общине предметов и т. д.; щедро жертвовали деньги на различные церковные нужды.¹⁰ Впоследствии, впрочем, во многих случаях эти люди всё-таки обретали статус членов совета – старшины, дьякона; или даже патрона. Отношения пастора с рядовыми членами общины определялись мерой его личного авторитета в приходе. Если пастор устраивал общину, искались возможности заинтересовать его находиться в приходе максимально долгое время; в других случаях неизбежно возникали конфликты в самой кирке и вне её стен, становясь прологом изнурительных разбирательств в кругу членов общины и даже в суде.

В качестве примера подобных ссор, можно упомянуть историю служителя Иоганна Лютке. Его проступки не раз вызывали неодобрение среди прихожан – в 1736 г. члены общины Св. Петра на Адмиралтейской стороне в Петербурге написали прошение в свой церковный совет с просьбой снять И. Лютке с должности ректора Петришуле по признаку несоответствия месту свойств его души.¹¹ И. Лютке был смещён, после чего перешёл в общину Св. Анны уже в качестве проповедника. Не представив документов об ординации, И. Лютке, по словам прихожан, «узурпировал» место второго пастора. Пробыв пастором всего год (за это время он успел не только побывать под следствием Юстиц-Коллегии, но и подвергнуться аресту),¹² И. Лютке уехал в Швецию из-за разного рода несогласий с членами уже новой общины. Вскоре он вновь появился в России – теперь уже в Москве, став пастором Новой кирки. В фондах РГАДА хранятся документы разбирательства государственных чиновников в делах И. Лютке

в 1748 г. Пастор обвинялся во многих долгах и бегстве от кредиторов («так что солдаты по окончании Божией службы для требования денег его у церковных дверей его ожидают»),¹³ лени «вместо сказываемых в воскресные дни пополудни и на неделе проповедей час, то читает только из Библии одну главу с прочтением обычной молитвы, да и то не всегда, а молитвенные часы, которые он по силе своей вакансии своей во всякую пятницу отправлять должен, тому уже несколько лет как не содержал».¹⁴ Особой его виной было объявлено неупоминание имён членов императорской фамилии в общих молитвах в кирке.

Напряжённые отношения с членами общины – по крайней мере, перед окончательным отъездом из Петербурга, – были и у пастора англикан Т. Консетта.

Бывали ситуации, когда часть прихожан была недовольна пастором, остальных же он вполне устраивал. Пастор шведской общины И. Хоугберг, чью хронику прихода поместил в своей книге А.Ф. Бюшинг,¹⁵ описал ситуацию, когда раздражённые деятельностью Я. Майделина прихожане в октябре 1728 г. обратились в церковный совет немецкой лютеранской общины Св. Петра с просьбой поставить на место пробста Л. Вагнера.¹⁶ Подававшие обращение, наверняка, учитывали неприязнь немцев к Я. Майделину после того, как в 1724 г. он был объявлен пробстом над всеми общинами Ингерманландии, и, соответственно, Петербурга. Церковный совет общины Св. Петра немедленно взял к рассмотрению этот документ и вынес, как пишет И. Хоугберг, решение запретить Я. Майделину исполнение пасторской должности, разрешив, при этом, Л. Вагнеру проводить богослужения. Действующий пробст не обратил внимания на недружественные для себя настроения в кирке Св. Петра, и продолжал отправлять пасторские обязанности в устроенном для служб собственном доме с помощью кандидата М. Розениуса; Л. Вагнер по-прежнему кормил своих сторонников из числа шведских прихожан в доме камергера П.Ф. Балка на Миллионной улице. История не получила продолжения, хотя совет общины Св. Петра делал попытку в декабре того же года консолидироваться с советами всех немецких приходов города и заставить Я. Майделина уйти с должности пробста. Л. Вагнер, судя по всему, и прежде предпринимал попытки заполучить должность пастора в петербургской общине через обращение инициативной группы прихожан в Синод. Прихожане просили тогда заставить Я. Майделина получить из Швеции аттестаты, подтверждающие его права вообще занимать пасторскую должность.¹⁷ И после смерти Я. Майделина в апреле 1729 г., часть шведско-финской общины продолжала собираться в его доме, не идя на сближение с Л. Вагнером, и подыскивая для себя нового пастора.

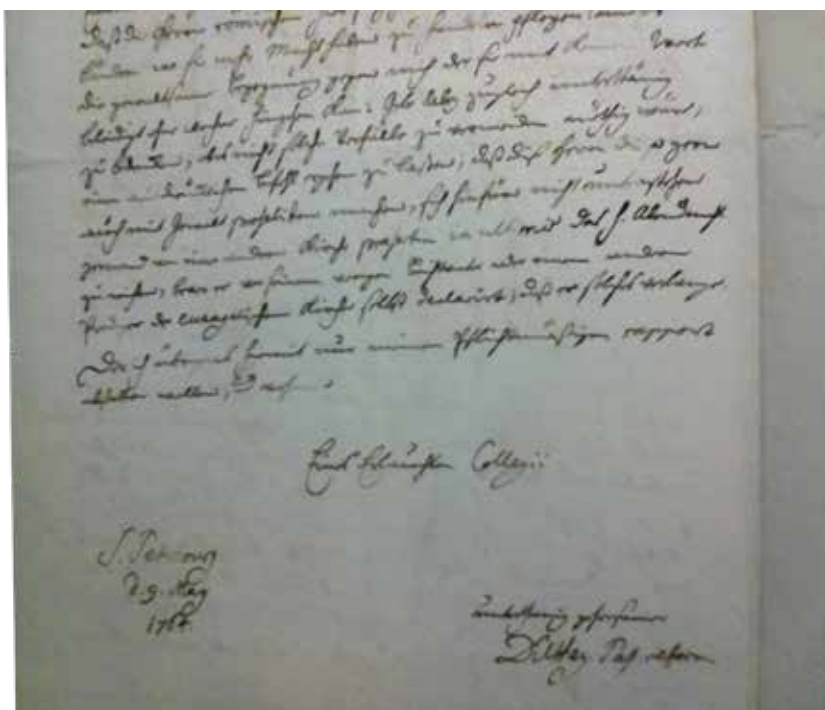
Порой друг с другом конфликтовали целые группы прихожан. Давние корни, например, имел раскол на финскую и шведскую часть прежде единой общины.¹⁸ Во время Северной войны и в период послевоенного восстановления приходов в Ингерманландии, стороны

более-менее согласованно удерживали хозяйственную состоятельность небогатого прихода. После относительного упрочения финансового положения общины и постройки ею деревянной кирки в 1734 г., стали проявляться противоречия на этнической почве – финны и шведы претендовали на более удобные для себя часы воскресных богослужений, эмоционально аргументируя собственные преимущества по этому вопросу; демонстративно подчёркивали принадлежность к собственной части общины конкретных элементов церковной утвари и т. д. Явившийся в город в 1745 г. проповедник И.А. Норденберг, получив разрешение в Юстиц-Коллегии Лифляндских и Эстляндских дел на пасторство в среде финнов, стал настраивать прихожан против шведов, что способствовало полному разрыву общины на две части. Шведский пастор Г. Леванус оставил запись в требнике, что «в последний раз на финском языке причастил святых тайн и исповедал, поскольку произошёл раскол из-за посягновений Нурденберга на приходы».¹⁹ Уже через какой-нибудь год выяснилось, что И. Норденберг был самозванцем, желавшим заполучить собственный приход; что у него не было богословского образования; что, вообще, он был отставным моряком. При пасторе И. Хоугберге, шведы и финны договорились о дележе некогда общего участка церковного двора. Он оказался поделен пополам — вход на финскую сторону был с Большой Конюшенной улицы, на шведскую — с Малой Конюшенной. Участки были отчуждены друг от друга специально выстроенной стеной, в которой поначалу были открывавшиеся в случае надобности ворота – затем их сняли, и образовавшийся проём заделали плиткой из кирпича. Собственные каменные кирки на этих участках были построены значительно позже: соответственно, шведами – в 1767–1769 гг., и финнами – в 1803–1804 гг.

Наиболее скандальным явлением в конфессиональной жизни евангелических общин города в течение столетия стала многолетняя откровенная вражда между французской и немецкой частями объединённого реформатского прихода. В неё были вовлечены пасторы, патроны, члены церковных советов и прихожане. Первоначальная история этой общины, вроде бы, ничем не указывала на будущие распри: исповедовавшие кальвинистское (реформатское) учение французы, немцы, франкоговорящие и немецкоговорящие швейцарцы согласованно решили пригласить в Петербург пастора, который окормлял бы прихожан франкоговорящей и немецкоговорящей частей общины. В 1723 г. в Петербург из Женевы прибыл проповедник Р. Дюнант. Пастор проводил обряды для всех желающих членов общины; проповеди же, не зная немецкого языка, говорил по-французски. Часть немецких реформатов не знали французский язык и стали посещать богослуже-

ния немецких лютеран. Противоречия в настроениях прихожан копились в течение десятилетий и остро обозначились к середине столетия, когда место пастора в объединённой общине занял немец И. Рислер – он читал проповеди и по-немецки, и по-французски; но питал явную неприязнь к французам и франкоговорящим швейцарцам. Пастор совершал поступки, выходящие за рамки норм приличия – вскрывая личную почту французов и швейцарцев, он передавал содержание писем немецким прихожанам; в проповедях же сообщал о преимуществах немцев на все условия жизни общины.²⁰

После скандального ухода И. Рислера,²¹ место его, по договорённости прихожан, занимали пасторы, которых поочерёдно приглашали немцы и французы с швейцарцами. Кульминация противостояния наступила через несколько лет после освящения в 1770 г. выстроенной совместными усилиями кирки на Конюшенной улице – стороны стали открыто требовать приглашения именно их кандидата в пасторы и заявлять претензии на первенство в воскресных богослужениях. Французы и швейцарцы, возможно, имели больше претензий на первое богослужение, чем немцы. Хронист французской общины Ф.И. Тастевин, описывая начальный этап истории объединённого прихода, в идентификации образа его этнической структуры, сделал заключение, что французы «вместе с немцами (лютеранами – А.А.), англичанами, голландцами и швейцарцами» принадлежали к т. н. «первой реформатской церкви, построенной в 1704 г.».²² Именно таким образом историк выразил идею, что французы-реформаты появились в Петербурге с дней закладки города, и являлись прихожанами кирки ещё в Петербургской крепости. Следующими аргументами в делах привилегий в любой дискуссии были упоминания фактов, что пер-



вым пастором в едва созданной объединённой общине был прибывший из Женевы Р. Дюнант, и что целые десятилетия до острой фазы конфликта почти всегда общину возглавляли пасторы с французской стороны. Немцы отвечали, что их численность с тех пор значительно выросла; и что, вообще, львиная часть пожертвований на приход приходит именно от них – а это значит, что они имеют право решать любой вопрос в пользу большинства прихожан.

Бытовая сторона конфликта между французами и немцами выглядела крайне непристойно — прихожане ругались в кирке и вне её стен, направляли поток обращений представителям органов власти императрице, в Сенат, в Юстиц-Коллегию Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел в надежде, что власть примет сторону жалобщиков и накажет их обидчиков.

В Российском государственном архиве древних актов сохранился документ, содержание сюжета которого ярко отражает степень накала эмоций противоборствующих половин прихода — волей-неволей и пасторы общины были в центре противоречиво оцениваемых сторонами событий.

21 декабря 1797 г. в Юстиц-Коллегию Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел было подано прошение от члена церковного совета немецкой части общины, где он гневно описал ситуацию нарушения прав немцев в делах управления приходским имуществом. Он писал, что французы самостоятельно отдали внаём общий для сторон церковный дом и «взвели задатку» 500 рублей с наёмщика по договору, чтобы французскому пастору оставили часть двора для разбиваемого сада; что французский пастор без разрешения немцев договорился с архитектором изменить линию мостовой (видимо, вблизи ограды двора — А. А.); что устами графа Петра Головкина было заявлено, что никакой немецкой реформатской церкви в российском государстве не существует, а приход и церковный дом принадлежат французам. Призванные Юстиц-Коллегией французы язвительно отвечали оппонентам, что, поскольку высочайшим Её Императорского Величества указом от 30 марта 1797 г. лишь немцам велено выполнять богослужение в кирке в конкретные часы, то «веление старшин таковой не существующей церкви им весьма не понятно, следовательно и ни в каком с ними французами не состоит, то и не обязуется на затеянную немцами жалобу отвечать».²³ Чиновники Юстиц-Коллегии в своём обращении напомнили французам, что по предписаниям высочайшего «Манифеста» от 11 мая 1778 г., французы получили привилегию считать «первым основанием» местной реформатской церкви именно «французскую нацию», присвоившую затем «в сообщество своё немецкую нацию»; тем не менее, согласно 6-му и 7-му пунктам этого указа, требовалось образовать единый «для обоих наций составленный совет, и совету состоять в старшинах или попечителях трёх от французской, и трёх от немецкой наций на 3 года избираемых».²⁴ Посколь-



ку решение вопроса найма церковного дома напрямую зависит от согласованного решения церковного совета, и этот регламент не отменялся ни высочайшим указом от 30 марта 1797 г., ни указом Сената от 24 апреля того же года — французам необходимо «непременно доставить, на жалобу немецких настоятелей в Коллегию объяснение».²⁵ Члены церковного совета французов и пастор И.Г. Мансбендель отправили в Юстиц-Коллегию «обвинительное» письмо, в котором употребили множество «возмутительных» характеристик в адрес не только немецкой части общины, но и самой Коллегии. Более того, они признавали в недопустимо заносчивой форме — отмечал в докладе прокурор Я.Г. Семибрат — что «достождолжное благочестие и послушание к высочайшей законодательной власти не соблюли».²⁶

Приведённые примеры не исчерпывают перечня всех случаев конфликтных ситуаций в общинах на протяжении столетия — они, однако, характеризуют саму картину сложности контекста настроений в обществе евангелических приходов. Конфликты всё же не были, да и не могли быть фундаментом строительства общин в далёкой от родины мигрантов России. Лишь солидарность и неформальная поддержка пасторами членов своих и других общин давали каждому лютеранину и реформату — как и самим пасторам — прочную надежду на стабильное развитие приходов и, кстати, уверенность в собственной личной успешности в глазах Бога.

- ¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–8.
- ² Сведения о них можно найти в сочинениях пасторов, живших в Петербурге в XVIII столетии – А.Ф. Бюшинга [Büsching A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden im Russischen Reich. Th. 1; Th. 2. Altona, 1766/1767] и И.Х. Грота [Grot J.H. Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Rußischen Reiche. Bd. 1; Bd. 2; Bd. 3. SPb.; Leipzig. 1797/1798]. Отдельные ситуации критического характера в деятельности общин кратко упоминали в своих работах: Е. Муральт [Muralt E. Chronik der vereinigten französischen und deutschen reformierten Gemeinde in St. Petersburg. Dorpat, 1842]; Г. Дальтон [Dalton H. Geschichte der Reformierten Kirche in Russland. Gotha, 1865]; Н.Д. Кузнецов [Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Ярославль, 1898]; К. Леммерих [Lemmerich C. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. Bd. 1; Bd. 2. St. Pbg.; Leipzig, 1862]; Г. Бринкман [Бринкман Г. Йохан Фредерик Хендрик Карп. История злополучного служения пастора в 1745–1749 гг. // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1727). СПб., 2001. С. 39–63]; Б. Янгфельдт Б. [Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург / Пер. со шведского Ю.Н. Беспятовых. СПб., 2003]; Э. Кросс [Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с английского Ю.Н. и Н.Г. Беспятовых. СПб., 2005]; А.Э. Алакшин [Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск, 2006]; А.Н. Андреев [Андреев А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в.: дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2011]. В целом, однако, вопрос конфликтов в среде петербургских евангелических общин не исследовался.
- ³ Бринкман Г. Йохан Фредерик Хендрик Карп... С. 48.
- ⁴ Grot J.H. Bemerkungen über die Religionsfreiheit... Bd. 3. S. 212.
- ⁵ Пастор пытался доказать патрону, что в сравнении с периодом начала 30-х гг. столетия – когда была введена должность второго пастора – количество обрядов в общине увеличилось втрое.
- ⁶ Предложение трудиться именно на научном поприще не было случайным – пастор к этому времени уже проявил свой исследовательский талант, который ценили его друзья-академики Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И. Эйлер и другие. В первый раз внимание учёных А.Ф. Бюшинг по-настоящему привлёк к себе весьма критическим предисловием к немецкому изданию труда Вольтера об истории России; эта публикация увидела свет в 1761 г. – ещё до приезда пастора в Петербург.
- ⁷ Собственноручная приписка Екатерины II о германском учёном А.Ф. Бюшинге // Сб. РИО. Т. 10. СПб., 1872. С. 7–8.
- ⁸ Grot J.H. Bemerkungen über die Religionsfreiheit... Bd. 2. S. 211–217.
- ⁹ Ibid. S. 217–235.
- ¹⁰ В том числе и на жалование пастору или, например, органисту.
- ¹¹ Büsching A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden... Th. 1. S. 291–294.
- ¹² АВПРИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. 1–54 об.
- ¹³ Андреев А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество... С. 176.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Büsching A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden... Th. 2. 69–129.
- ¹⁶ Ibid. S. 82.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 112. Л. 101–102 об.
- ¹⁸ Разделение общины по национальному признаку случались в в этом столетии и у петербургских католиков. См.: Самыловская Е.А. Межэтнические конфликты в римско-католической общине Санкт-Петербурга в первой трети XVIII века // Нации и этничность в гуманитарных науках / под ред. А.Х. Даудова, С.Е. Федорова. – СПб., 2015. С. 176–180.
- ¹⁹ Янгфельдт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург... С. 69.
- ²⁰ Grot J.H. Bemerkungen über die Religionsfreiheit... Bd. 1. S. 170–171.
- ²¹ Он был лишён Юстиц-Коллегией Лифляндских и Эстляндских дел духовного сана по делу моравских братьев.
- ²² См.: Тастевен Ф.И. Французы-кальвинисты в России // Русский архив. 1910. Кн. 1–4. С. 629–642.
- ²³ РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 4. Д. 7875. Л. 1–1 об.
- ²⁴ Там же. Л. 1 об.
- ²⁵ Там же. Л. 1 об.
- ²⁶ Там же. Л. 1 об.–2.

Alakshin A.E. – Doctor of Historical Sciences, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg.

CONFLICT RELATIONS BETWEEN PASTORS OF THE EVANGELICAL PARISHES OF ST. PETERSBURG IN THE 18TH CENTURY WITH COMMUNITY PATRONS, CONVENTION MEMBERS AND PARISHIONERS

Annotation. Since the time of the Reformation, a clear structure of evangelical parishes has developed – each staff unit on its site fulfills its own confessional responsibilities, trying to contribute to the common cause of community development. However, there were conflicts between parishioners. Pastors, who were key figures in the structure of parishes, sometimes also became parties to conflicts. The article discusses the relationship between parishioners in the Lutheran and Reformed communities of St. Petersburg in the XVIII century. Particular attention is paid to situations of quarrels between pastors of communities with guardians of communities, members of church councils and ordinary parishioners, as well as quarrels between parishioners of different nationalities, where pastors expressed the opinion of a particular part of the community in a conflict situation. Over the course of a century, conflicts occurred in the German Lutheran community of St. Peter, the German Lutheran community of St. Anne, the Swedish-Finnish Lutheran community before its split, the Dutch, French-German and Anglican Reformed communities. The Justits College of Livonia, Estland and Finland affairs, as an authority in the Russian Empire, has repeatedly tried to eliminate the causes of strife among the Gentiles. The storylines of all the examples cited in the article are based on materials from historical sources.

Keywords: evangelical communities, pastor, parish, 18th century, St. Petersburg.